

ХЭППИ ЭНД НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Русскому театру в Казахстане — 60 лет.

Искусство театра в Казахстане сегодня переживает не самые лучшие времена. Мой собеседник — главный режиссер Государственного академического русского театра имени М. Ю. Лермонтова Р. С. АНДРИАСЯН.

— Рубен Суменович, что привнесли вам политические перемены?

— Провозглашение национальной государственности в республике предопределило нашу особую специфику — мы должны приучить себя к мысли, что, несмотря на все наши звания — государственный, академический, — мы прежде всего становимся театром русской диаспоры.

Болезнь роста национально-нашего самосознания вполне понятна. Она есть и в России, есть и здесь. Став независимой, казахская нация кинулась догонять упущенные время и возможности, в том числе и в культуре. Но важно, чтобы при этом не был выплеснут ребенок русской культуры. Сейчас мы больше чем когда-либо ставим Островского, Чехова...

— «Расставание» с Союзом было весьма похоже на бегство с надевшего всем корабля — никто не горевал, что рухнули экономические «мостки». Как отразилась тенденция к разрушению «старого мира» на русской культуре в Казахстане?

— Если советский театр в принципе был оторван от всего мирового культурного процесса, то сейчас все мы, гордые и независимые, еще оторваны и друг от друга. За последние два года наши театральные деятели лишь один раз побывали в Москве, на Чеховском фестивале. И то благодаря Центру Кирилла

Лаврова, который еще хоть как-то координирует работу всех театральных союзов. А прежде встречались 2-3 раза в год, смотрели друг на друга, взаимно обогащались.

— Русский театр вне России — дело неблагоприятное?

— Прошедшей зимой я ставил спектакль в Нижнем Новгороде. Большой разницы между зрителями там и здесь не угадал. Набор крупных человеческих проблем тот же. Есть некоторая разница лишь в психологии. Русский человек в нерусской среде — он, мне кажется, духовно богаче. Он и более русский и вместе с тем более терпимый.

— Хватает ли сегодня русскому театру средств к существованию?

— Пока обижаться не приходится. По самым скромным подсчетам, в этом году Министерство культуры гарантирует нам миллионов 50. Предполагаю, что русские театры в национальных республиках погибнут от другого — от отсутствия артистов. Скажем, в Казахстане 16 русских театров. Им, естественно, требуется регулярный приток молодых актерских сил. А на весь Казахстан один театально-художественный институт. Там уже пять лет не было набора на русские курсы. И даже если их введут раз в четыре года, как это было раньше, или раз в два года, как это было в лучшие времена, все равно полтора десятка театров будут оставаться на «голодном пайке». Они уже сегодня ищут актеров, начинают открывать студии. Но, разумеется, не способны обеспечить их педагогами.

Думаю, наши театры задумают прежде всего эту проблему. А уж потом — инертность

общества. Пока оно, избалованное социальными благами, не поймет, что спасение от деградации в его же руках, театры будут вливать жалкое существование. Сегодня мы страдаем от низкого уровня культуры во всем — в политике, экономике, быту. Чтобы этот уровень хоть чуть-чуть поднимался, нужно свою личную копеечку в культуру вкладывать. И это задача всего общества, а не только государства.

— Однако отсутствие русского курса в театральном-художественном институте есть дело рук государственных чиновников, а не, скажем, жителей города Алма-Аты.

— Вы знаете, если у меня будут три-четыре спонсора, способных вкладывать в обучение живую сумму ежегодно, я открою собственный курс. При нашем театре.

— Что ждет сегодня от спектакля наш зритель?

— Пойти в театр — это, конечно, сегодня подвиг. Ведь надо найти лишние деньги. Наконец, найти в себе смелость возвращаться домой поздно вечером. Я с огромным уважением отношусь к этим людям. И мне очень хочется помочь им немного перевести дыхание у нас в театре и разбудить в них надежду. Быть может, и порадовать глаз тоже.

Это трудно — отыскать в себе эту веру и надежду, чтобы отдать другим... И при этом традиционный американский хэппи энд разделить, по возможности, на множество мелких кусочков.

Мы живем сейчас не очень красиво. И наши слезы — не видимые миру слезы — не нужны никому. А театр открывает возможность к сопереживанию...